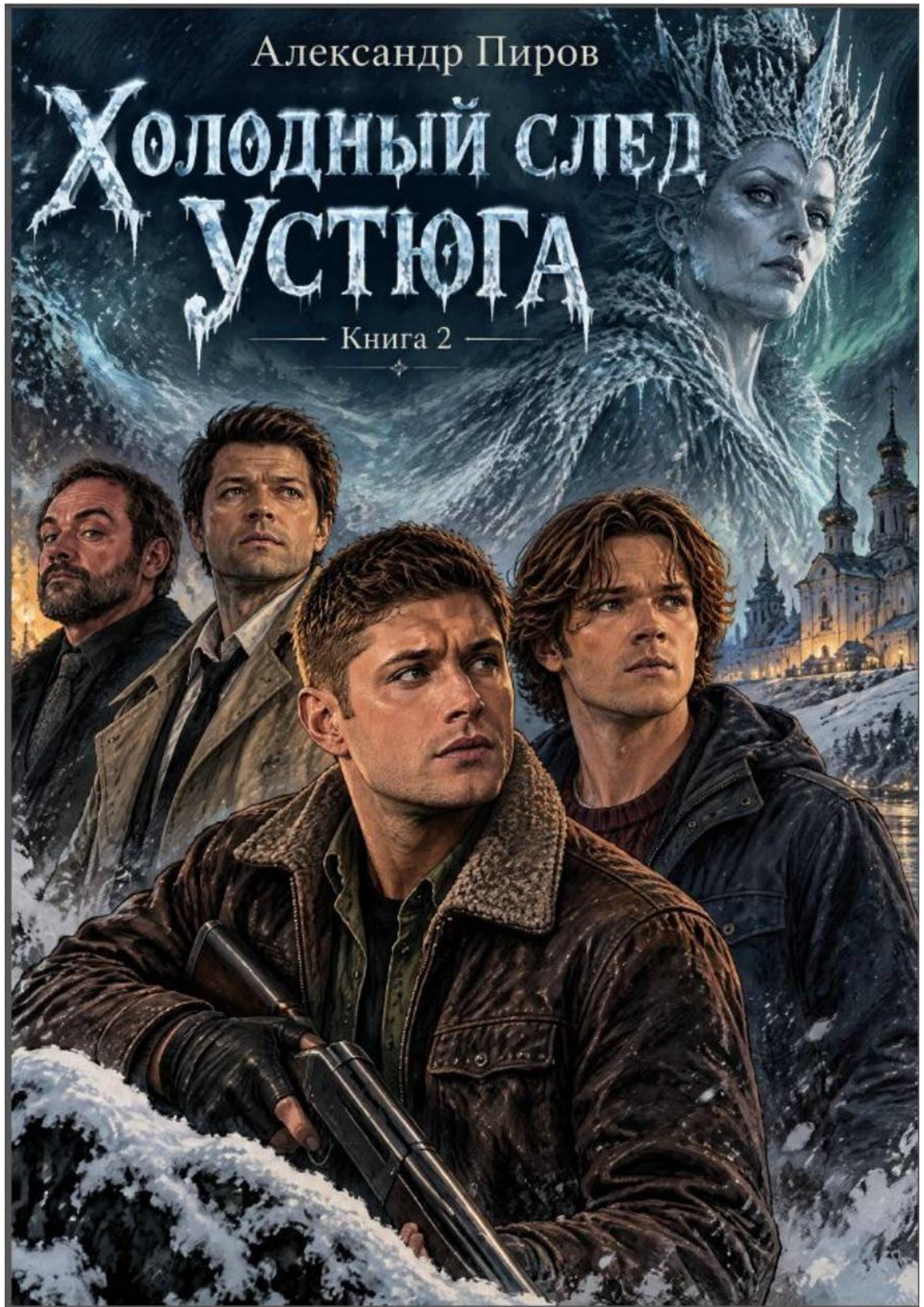

Александр Пиров
Холодный след Устюга
Книга 2

Александр Пиров

Холодный след Устюга

«Автор»
2026

Пиров А.

Холодный след Устюга / А. Пиров — «Автор», 2026

Дин и Сэм Винчестеры продолжают своё бесконечное путешествие — на этот раз по заснеженным дорогам России. Случайная встреча со странной бабкой с помелом оборачивается катастрофой: резкий ответ Дина запускает древнее волшебство, и братья оказываются в Тридевятом царстве — мире, где живут лешие, кикиморы и говорящие вороны, а законы реальности подчиняются сказочной логике. Чтобы вернуться в современную Москву, им предстоит пройти три испытания: вернуть украденное тепло, раскрыть своё истинное имя и выдержать испытание без оружия, не поддавшись собственным страхам. В этом странном, ярком и порой пугающем мире охотникам придётся не только сражаться с магией, но и взглянуть на себя поновому. И когда дорога домой наконец откроется, они поймут: граница между мирами тоньше, чем кажется, а некоторые следы сказки останутся с ними навсегда.

© Пиров А., 2026
© Автор, 2026

Александр Пиров
Холодный след Устюга

Д ин стиснул баранку так, что костяшки пальцев побелели сквозь тонкую кожу перчаток без пальцев. Дворники с надсадным визгом скребли по лобовому стеклу, сгребая в стороны тяжелую, липкую кашу, но толку от них было чуть: впереди расстилалась плотная, слепящая молочнобелая стена. Колеса «Импалы» то и дело срывались в вязкий занос, подвеска глухо и болезненно ухала на невидимых под настом ухабах, отзываясь в зубах мелкой дрожью.

— Чудно… просто праздник какой-то, — процедил Дин, ловя задок машины коротким, резким движением руля. — В прошлый раз нас полоскало в волжской жиже, теперь мы добровольно премся в морозильник размером с континент. Сэмми, напомни мне, какого черта мы не взяли билет на пляж в Канкуне?

Сэм сидел, сгорбившись над развернутой на коленях бумажной картой Вологодской области. Пальцы в толстых шерстяных митенках мелко подрагивали от сквозняка, который пробивался из щелей старых уплотнителей.

— Потому что в Канкуне дети не засыпают посреди школьных дворов с ледяными корками на веках, — отозвался Сэм, не поднимая головы. Он нажал кнопку служебного навигатора, прилепленного к торпеде на присоску. Жидкокристаллический экран моргнул тусклой зеленью, выдал полосу битых пикселей и намертво застыл, покрывшись изнутри сеткой мелких трещин. — Черт. Минус сорок два. И электроника сдохла. Сэм Винчестер снова ориентируется по звездам, которых нет за этой треклятой вьюгой. Дин, погоди, дай подумать… Если верить развилке у реки, мы должны были свернуть на восток около десяти миль назад.

— Я бы свернул, если бы там была дорога, а не сугроб высотой с твой чертов эгоцентризм, — огрызнулся Дин, вглядываясь в серые тени за окном.

С заднего сиденья донеслось тяжелое шуршание плотной ткани. Кастиэль, не шевелясь, сидел строго по центру, уставившись прямо перед собой сквозь заиндевевшее стекло. Его бежевый тренч казался нелепым пятном среди русской таежной ночи, но холод, похоже, не трогал ангела вовсе — лишь кончики пальцев чуть серебрились от осевшей изморози.

Кастиэль наклонил голову набок:

— Дин. Это не обычное атмосферное явление.

— Да ладно, Кэс? А я думал, у Санты просто прохудился мешок с мукой.

— Воздух… он пуст, — монотонно произнес ангел, словно читал некролог. — Здесь нет дыхания живых созданий, нет даже сна деревьев под сугробами. Этот мороз чужд земной природе. Он не замораживает плоть, он стирает ее присутствие. Пахнет так, будто саму пустоту заставили кристаллизоваться.

— Умеешь ты подбодрить перед праздниками, приятель, — Дин сплюнул в сторону приоткрытой печки, но оттуда вместо привычного сухого жара тянуло затхлым подвальным холодом. Заслонки дребезжали, обдувая лодыжки ледяным сквозняком. — Эй, детка, держись… только не вздумай чихать.

Педаль газа провалилась чуть глубже, пятилитровый зверь под капотом недовольно зарычал, рассекая тяжелый наст. И в ту же секунду белая пелена перед решеткой радиатора разорвалась.

Оно вынырнуло снизу, будто соткалось из самого вихря — долговязая, полупрозрачная тень с очертаниями человека, чья кожа блестела зернистым речным

льдом. Глазниц не было, лишь две глубокие впадины, сочащиеся мутным синеватым дымом. С оглушительным скрежетом, похожим на визг гвоздя по стеклу, длинные зазубренные когти впились в хромированный молдинг капота «Импалы».

— Какого!.. — рявкнул Дин, инстинктивно дернув руль вправо.

Тварь прижалась к металлу, ее безгубый рот распахнулся в неслышном вопле, и лобовое стекло моментально затянуло толстым, ветвящимся узором изморози. Линии складывались не в морозные папоротники, а в угловатые, острые символы, от которых резало глаза.

Задние колеса «Импалы» сорвались со скользкой колеи. Тяжелую корму шевроле повело юзом, выбрасывая на встречную полосу, которой здесь попросту не существовало — лишь бесконечная белизна и стена вековых сосен. Дин выкрутил баранку в сторону заноса, ударил по тормозам, но колодки лишь взвизгнули на полированном льду. Машину развернуло на триста шестьдесят градусов, мир за окнами превратился в круговерть из комьев наста, белых искр и черных древесных стволов.

Удар о глубокий придорожный бруствер выбил дух. Мотор захлебнулся, пару раз судорожно кашлянул сизым дымом и заглох.

Наступила тишина — глухая, тяжелая, в которой было слышно только потрескивание остывающего блока цилиндров и шелест снежной крупы по крыше.

Воздух в салоне выстывал с пугающей скоростью. Каждое слово вырывалось изо рта густыми белыми клубами, оседая на воротниках и ремнях безопасности.

Сэм первым выщелкнул пряжку, нашарил под сиденьем цилиндр аварийного фальшфейера и с силой сдернул колпачок о шероховатое кольцо. Резкий треск разорвал полумрак. Сноп едких малиновых искр брызнул в салон, высвечивая бледное, напряженное лицо брата. Но не прошло и пяти секунд, как химическое пламя странно сжалось, потеряло яр-

кость и зашипело, скукоживаясь до крошечного сизого огонька, словно невидимая рука душила фитиль, вытягивая кислород.

— Огонь здесь не держится, — выдохнул Сэм, бросая бесполезную дымящуюся гильзу на коврик. — Слишком низкое давление. Или что-то забирает тепло направленно.

— Плевать на давление, они лезут к радиатору, — Дин уже толкал плечом заклинившую от наледи водительскую дверь.

Металл застонал, поддаваясь с треском рвущегося ледяного панциря. Мороз снаружи ударил под ребра, как кованый сапог: перехватило дыхание, влага в носу мгновенно закристаллизовалась. Дин вывалился по колено в плотный сугроб, вскидывая помповый ремингтон.

Вокруг застывшей под углом «Импалы» кружили силуэты. Их было четверо — бесплотные, вытянутые, сотканные из кружащейся поземки и голубоватого тумана. Они двигались беззвучно, не оставляя следов на свежем снегу, перетекая над настом, словно хищные рыбы в мутной воде. Один из призраков метнулся к правому крылу, протягивая узловатые ледяные лапы к остывающему металлу.

— Пошел вон от машины, сосулька недоделанная! — гаркнул Дин и спустил курок.

Грохот выстрела потонул в гуле ветра. Сноп каменной соли прошил силуэт насквозь. Тварь разлетелась на сотни мелких ледяных осколков, осыпавшихся в сугроб с хрустальным перезвоном. Дин передернул цевье, готовый выстрелить во вторую, но осколки на снегу задрожали. Словно повинуясь обратному ходу кино-

пленки, белые кристаллы оторвались от земли, закружились в крошечном смерче и за две секунды снова срослись в тощую фигуру с провалами вместо глаз.

— Сэмми, соль их не берет! Она их просто злит!

Сэм выбрался следом, сжимая в руке железную монтировку с начертанными мелом символами изгнания. Он замахнулся, сбивая тень, потянувшуюся к шее брата. Удар пришелся словно по спрессованному граду: монтировка загудела, отдавая в плечо тупой болью, но тварь лишь отшатнулась, расплываясь туманом.

— Кастиэль! — крикнул Сэм, щурясь от секущей щеки ледяной крошки.

Ангел вышел из машины последним. Он не щурился и не дрожал. Кастиэль шагнул вперед, распахивая полы пальто, и поднял правую руку, пальцы которой налились белым, неземным сиянием. Это был не огонь — чистый свет благодати, выжигающий тени. Ангел прижал ладонь к снегу, и волна расходящегося света ударила во все стороны, вскипятив наст.

Ледяные фантомы издали тонкий, визгливый свист, похожий на свист зимнего ветра в пустой печной трубе, метнулись прочь и растворились среди вековых сосен. На несколько ярдов вокруг машины буран внезапно утих, открывая взгляду обочину.

Кастиэль тяжело опустил руку; свет в его пальцах погас, и он качнулся, упершись ладонью в крыло «Импалы». На лбу ангела выступили капли пота, тут же превратившиеся в мелкие льдинки.

— Мои силы восстанавливаются медленно после Самары, — хрипло произнес он. — Я не смогу держать барьер долго.

— Да и не надо долго, — Дин уже лез под капот, оттирая иней со свечных проводов. — Надо сваливать. Сэм, глянь, что там за столб.

Сэм повернулся туда, куда указывал слабый свет фар. В нескольких шагах от бруствера стоял покосившийся деревянный километровый столб. На нем, полощась на яростном ветру, висел длинный вязаный шарф алого цвета. Он не был припорошен снегом, словно стужа избегала прикасаться к яркой шерсти, а чуть ниже, на потрескавшейся древесине знака, темнели выцарапанные символы.

Сэм подошел ближе, перчаткой смахивая налипшую ледяную пыль.

— Согласно архивам Вологодской епархии… — пробормотал он, разглядывая перекрещенные насечки, — это не знахарство и не бесовский след. Эти угловатые петли… это почерк Мораны. Зимней владычицы.

— Той самой, которая любит сосульки и ненавидит живых? — крикнул Дин из-под капота, ожесточенно скребя клеммы аккумулятора разводным ключом.

— Хуже. Согласно славянским поверьям, она не просто морозит кости. Она питается тем, что согревает людей изнутри — памятью о весне, о доме, о близких. Твари, которые на нас напали, это застрявшие души тех, кто забыл, кто они такие.

— Чудно. Теперь у нас еще и амнезия по талонам, — Дин захлопнул капот с глухим лязгом, запрыгнул на водительское место и повернул ключ в замке зажигания.

Стартер взвыл, натужно провернул промерзший коленвал. Раз, другой, третий. «Импала» вздрогнула всем своим двухтонным телом, чихнула облаком черного переобогащенного дыма, и восьмицилиндровый двигатель с глухим ревом ожил, вибрируя на высоких холостых оборотах.

— Живая, чертовка! — Дин выжал сцепление, но тут же нахмурился, глянув на приборный щиток. Стрелка датчика температуры охлаждающей жидкости лежала на мертвом нуле, а указатель масла дергался у критической красной отметки. Внутренности машины остывали быстрее, чем мотор успевал их греть. — Сэм, Кэс, по местам! Долго эта жестянка на таком морозе не протянет, масло в гудрон превратится!

Сэм запрыгнул на пассажирское сиденье, захлопнув дверь и отсекая свист ветра. Кастиэль молча сел назад, прислонившись затылком к стеклу.

Машина, взревев всеми четырьмястами лошадиными силами, взбила колесами снежный фонтан, скрежетнула днищем о скрытые под настом камни и вырвалась из сугроба обратно на заметенную трассу. Дин вдавил педаль, не разбирая дороги, доверяя лишь тяжести руля и инстинкту, выработанному тысячами миль бессонных ночей.

Тени в тайге не отставали. Сэм видел в боковое зеркало, как они стелются параллельно курсу машины между заиндевевших елей — белые пятна, вытягивающие остатки тепла из мира. В салоне стоял такой холод, что пальцы переставали слушаться, а дыхание оседало на приборной панели толстым ковром инея.

Дорога пошла на подъем, петляя среди темных вековых исполинов, и вдруг вьюга перед капотом резко расступилась, словно натолкнувшись на невидимую стену.

В снопах желтого света фар выросли гигантские бревенчатые ворота, увенчанные резными коньками и причудливыми теремными башенками. Но вместо теплого праздничного золота гирлянд вся эта сказочная громада была намертво закована в толстый, мутный панцирь синего, мертвого льда, сквозь который слабо фосфоресцировали темные силуэты причудливых деревянных фигур.

— Чудно… просто праздник какой-то, — прохрипел Дин, вываливаясь из кабины на хрустящий наст.

Каждый вдох обжигал трахею колючей стеклянной пылью. Сорок градусов с лишком, и это был не просто сибирский антициклон, заблудившийся в вологодских болотах. Этот холод имел вес, намерение и дурной характер. «Импала» за спиной обиженно щелкала остывающим металлом; с ее хромированных ребер уже свисали белесые иглы. Если не загнать ее в тепло или хотя бы не найти глухой угол без сквозняка, через пару часов блок цилиндров превратится в памятник американскому автопрому.

Перед ними высились резные ворота вотчины — исполинский теремной портал с деревянными петушками, коньками и стрельчатыми навесами. Все это великолепие покрывал трехдюймовый панцирь из синеватого натечного льда. Деревянные медведи и волки, венчавшие столбы, оскалились кристальными клыками, а в глубине их пустых резных глазниц мерцала тусклая, ядовитая лазурь.

Дин перехватил тяжелую стальную монтировку, влез на обледенелое крыльцо и примерился к висячему коробу засова.

— Держись подальше от этих истуканов, Сэмми. У меня стойкое ощущение, что местный зоопарк ждет повода спрыгнуть с петель.

— Дин, погоди, дай подумать, — Сэм поспешил следом, придерживая капюшон парки. — Если ворота запечатаны защитным контуром, грубая сила может замкнуть чары на нас.

— Значит, пусть замыкает. У меня пальцы в перчатках уже деревянные, а детка на обочине околеет раньше, чем ты переведешь третью руну.

Дин замахнулся и с маху вбил клин монтировки под массивную щеколду.

Звук вышел диким. Вместо сухого треска сосновой древесины раздался визгливый, колокольный звон, будто железо встретилось с бронебойным стеклом. От удара по ледяной корке во все стороны брызнули синие искры, больно хлестнув по щекам. Деревянный медведь на правом столбе протяжно скрипнул — звук был похож на

скрежет несмазанных жерновов, — и ледяная корка на его морде треснула, обнажая острую, хищную пасть.

— Ну давай, оживай, Винни-Пух недоделанный! — рявкнул Дин, наваливаясь на монтировку всем весом.

Древесина наконец уступила. С сухим грохотом засов разлетелся на оледеневшие щепки, створка подалась внутрь, и охотники буквально ввалились в темное чрево терема, захлопнув за собой тяжелое полотно. Кастиэль шагнул последним, прижав ладонь к щели, отсекая наползающий снаружи вой метели.

Внутри царил замогильный штиль.

Воздух пах озоном, старой хвоей и дешевой полиграфией рекламных буклетов. Под высоким сводчатым потолком, сплетенным из сосновых бревен, бесконечными змеями тянулись праздничные гирлянды. Но лампочки не мигали теплым желтым или карминным светом: они горели неподвижным, мертвенно-синим фосфоресцирующим накалом, заливая просторный холл холодными призрачными тенями. Вдоль стен тянулись пустые сувенирные лавки — туески из бересты, расписные ложки, стеклянные шары с искусственным снегом внутри. Все это застыло под тонким слоем морозного пуха.

— Здесь должна была дежурить охрана, — Сэм осторожно двинулся вперед, сжимая фонарь. Луч рассекал синеву, выхватывая стойку администратора с надписью «Добро пожаловать в сказку». — Десятки сотрудников, туристы с вечернего рейса… Где все?

— Может, поумнели и свалили на юг? — предположил Дин, нервно водя стволом дробовика по темным углам галереи. — Хотя судя по тому, что мы видели на трассе, бежать здесь особо некуда.

— Нет, — тихо отозвался Сэм от сувенирной витрины. — Они не ушли.

Дин подошел ближе и замер.

У высокой деревянной стойки, между стопками непроданных открыток и глиняными свистульками, стояла девушка. Лет двадцати, в расшитой серебряной нитью безрукавке поверх белого свитера. В руках она сжимала блокнот и бейджик с именем «Алена».

Она не лежала на полу, не скорчилась от мучительного спазма переохлаждения. Девушка просто стояла, слегка наклонив голову, замерев прямо посреди движения, словно фотоснимок, забытый в проявителе. Ее глаза были широко раскрыты, но зрачки затянуло белесой перламутровой пленкой, похожей на замерзшую чешую. На лице не читалось ни ужаса, ни паники — лишь жуткий, неестественный, абсолютный покой. Покой человека, у которого выключили свет внутри черепной коробки.

Сэм медленно протянул руку в перчатке, но остановился в дюйме от ее плеча.

— Она… она не дышит, Дин. Но ткани не разложились и даже не проморожены до хрупкости. Она как законсервированная.

Кастиэль бесшумно подошел сбоку. Его лицо в синем свечении гирлянд казалось высеченным из серого гранита. Ангел наклонил голову набок, разглядывая пустые глаза девушки, затем медленно снял перчатку и коснулся двумя пальцами ее виска.

Воздух вокруг его руки едва заметно завибрировал, слабая искорка благодати попыталась пробиться сквозь кожу, но тут же захлебнулась. Кас резко отдернул руку, словно обжегся.

— Ее разум пуст, — глухо произнес ангел. Голос его звучал глухо, без привычной небесной мощи. — Это не кома и не действие яда. Внутри ничего не осталось, Сэм. Воспоминания о матери, о первом снеге, о ее собственном имени — все выкачано без

остатка. Она превращена в сосуд, из которого вычерпали жизнь до капли. Морана забрала всё тепло, связывавшее ее с этим миром.

— И оставила пустую оболочку стоять за прилавком, — процедил Дин, чувствуя, как внутри закипает глухая, бессильная злость. — Тварь.

— Если все люди в комплексе в таком состоянии, — Сэм тяжело вздохнул, озираясь на темные анфилады коридоров, уходящих вглубь терема, — то мы опоздали не на пару часов. Процесс идет уже…

В глубине центрального пролета раздался глухой, короткий хлопок.

Стерильный, вымороженный воздух мгновенно разрезал едкий, безошибочно узнаваемый смрад адской серы и жженого конского волоса.

— Какая безвкусица, — раздался из полумрака бархатный, утомленный баритон. — Резные петушки, деревянные ложки и ледяной сквозняк прямо в поясницу. Винчестеры, ваше умение выбирать самые депрессивные точки на географической карте начинает граничить с гениальностью.

Из арочного проема, ведущего в тронный зал, неторопливо вышел Кроули.

Демон выглядел так, будто только что покинул закрытый клуб на Мэйфэр, если не считать пары снежинок, небрежно таявших на меховом воротнике его кашемирового пальто. Он картинно отряхнул безупречный лацкан, скривился и достал из внутренне-

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.